

УДК 008

А.И. Мартынов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТЫ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ

Рассматриваются методологические проблемы современной археологии. На конкретных примерах из археологии Евразии рассматриваются археологические факты и их связь с историческим процессом, влияние геосреды на историю, исследуются возможности наскального искусства в исторической реконструкции и роль народов-лидеров в евразийской истории.

Ключевые слова: артефакты, геосреда, исторический процесс, народы-лидеры в истории, наскальное искусство и возможности реконструкции исторических процессов по археологическим данным.

В отечественной археологии устойчиво существуют две основные тенденции: накопление вещественных археологических источников и обоснование археологических культур. Археология в результате превращается в науку фактов, примеров, а исторический процесс в археологии воспринимается в основном как система смены эпох и археологических культур. При этом археология все больше демонстрирует свой отход от истории.

В XX в. на евразийском пространстве России накоплено большое количество археологических материалов по неолиту, эпохе бронзы и раннему железному веку, которые позволяют перейти от констатации археологических фактов к реконструкции на основании археологических материалов исторических процессов. Однако это, в свою очередь, требует применения новых методологических и методических подходов, новых методов извлечения информации из археологических артефактов, чтобы открылись новые возможности интерпретации археологических источников. При этом в результате процедуры исследования археологический факт (АФ) может остаться просто фактом, зафиксированной находкой, но может превратиться в источник большого исторического значения, как это получилось с фалангой пальца древнейшего человека, обнаруженной в Горном Алтае. Путем новейших комплексных исследований, успешно проведенных в ряде лабораторий, академику А.П. Деревянко удалось реконструировать глобальные события антропогенеза человечества на евразийском пространстве [1]. Это всего лишь один пример того, как археологический факт мог остаться просто зафиксированной находкой или стать источником реконструкции больших исторических событий.

В связи с затронутой проблемой хочу остановиться сначала еще на нескольких примерах. Сейчас в археологии известны факты весьма раннего использования лука и стрел в палеолите. Это факт.

Однако надо ли его использовать как вывод о широком распространении лука и стрел в домезолитическую эпоху. Думаю, что оснований для этого нет, так как условия охоты позднего плейстоцена вряд ли способствовали широкому применению этой новации. Скорее всего, применение лука ограничивалось ритуальной практикой, но не хозяйственной необходимостью. Обстановка изменилась только в голоцене, что и привело к довольно быстрому распространению лука и стрел в мезолите.

Вероятно, не следует преувеличивать и факт ранней даты появления керамических сосудов в Японии. Он совсем не означает, что керамическая посуда распространяется в связи с этим значительно раньше неолита. Вполне возможно, что свойства керамической массы, ее пластичность, возможность формоваться, затвердевать и подвергаться обжигу, были известны значительно раньше, еще в палеолите. Однако керамические сосуды в Евразии широкое распространение получили лишь в неолите и стали важным явлением исторического процесса.

За последние годы археологией, культурологией, географией и другими науками накоплен большой материал о роли геосреды в исторических и культурологических процессах в археологические периоды. В результате можно сделать несколько важных, на мой взгляд, общих выводов.

Во-первых, при рассмотрении археологических фактов надо учитывать, что весь археологический период истории человечества – это система взаимоотношений человеческих популяций и природной среды в ее макросистемах (степные, горные и лесные (таежные) массивы) и микросистемах (конкретные ландшафтные системы). Нельзя не учитывать того, что природа, ее особенности, являются культурообразующим фактором в археологические периоды. Это великолепно прослеживается на территориях Западной и Южной Сибири, Казахстана и Киргизии.

Во-вторых, в археологии, особенно при анализе хозяйственной деятельности, видимо, надо шире учитывать действие закона рационального использования природной среды. Он объективно действовал в палеолите, мезолите, в неолите привел к сложению крупных культурно-исторических образований в бассейнах рек – Волги, Оби, Лены, Амура. В более позднюю палеометаллическую эпоху способствовал сложению общностей культур андроновского и срубного круга. А в раннем железном веке сыграл заметную роль при сложении таких глобальных исторических систем, как сакский или скифо-сибирский мир. Действие закона рационального использования геосреды прослеживается и при рассмотрении более мелких историко-культурных образований, отмеченных отдельными археологическими культурами эпохи бронзы и раннего железного века. Здесь нельзя не учитывать глобальную историческую роль природных факторов. Например, роль горных систем и предгорий Евразии в освоении новых территорий в нижнем палеолите, роль Уральско-Казахстанского и Саяно-Алтайского горно-металлургических центров в палеометаллическую эпоху; роль степного евразийского коридора в распространении новаций, скотоводства, колесного транспорта и передвижений групп населения, что хорошо прослеживается по археологическим памятникам, распространению изображений повозок в наскальном искусстве, курганных захоронениях палеометаллической эпохи в степной Евразии. Важен факт появления в степях и горных долинах курганов как культово-архитектурных сооружений, их связь с ландшафтами и в то же время с новым мировоззрением населения палеометаллической эпохи.

Качественно новое освоение степной и горнодолинной Евразии началось, как известно, с важнейшего в истории человечества события – с распространения на этой огромной территории производящих форм хозяйства как основы дальнейшего цивилизационного развития человечества на этих территориях. Его надо расценивать как величайшее историческое событие в Евразии, оказавшее влияние на весь дальнейший ход исторического развития вплоть до современности. Для большинства евразийских территорий события начала освоения территорий в целях скотоводства и частично земледелия приходятся на палеометаллическую эпоху (энеолит – бронза). Надо признать, что в истории Евразии палеометаллическая эпоха была временем сложения и распространения разных типов производящего хозяйства – от оседлого до кочевого. Вместе с тем в степной Евразии

произошло исторически важное разделение производящего хозяйства на два основных направления: оседлое земледелие, связанное с водными ресурсами и по этой причине ограниченное территориально, и подвижное скотоводство, с которого началось в энеолите качественно новое, цивилизованное освоение огромных пространств Евразии. Это было время активного влияния фактора геосреды на хозяйственную специфику, формирование крупных культурно-исторических макрозон с особенностями материальной и духовной культуры. В Евразии их было, на мой взгляд, четыре: 1) территория оседлого поливного земледелия (от триполья до яньшао); 2) скотоводческо-земледельческая (андроновская, катакомбная общности); 3) зона подвижного скотоводства (степная и горная); 4) лесная территория присваивающе-производящего хозяйства. Для каждой из культурно-исторических макрозон были характерны диктуемые геосредой особенности производящего или присваивающего хозяйства, свой культурно-мировоззренческий комплекс представлений, духовные ценности, выразившиеся в погребальных комплексах и искусстве, что прослеживается фактами в археологии. Мировоззрение отражено в сложном орнаментальном искусстве двух первых культурно-исторических зон: расписная керамика триполья, кукутени, анау, яньшао, женские скульптуры плодородия, украшения стен глинобитных жилищ и сложный штампованный орнамент культур андроновского и катакомбного круга. В зоне подвижного скотоводства и лесной зоне присваивающе-производящего хозяйства развивается в это время наскальное искусство. Оно стало значительной составной частью этих двух культурно-исторических макрозон Евразии [2. С. 27].

За последние десятилетия, как известно, накоплен колоссальный новый материал по наскальным изображениям, который тоже позволяет сделать исторические выводы. Обратим внимание на некоторые факты. Памятники наскального искусства с изображениями оленей в стиле «оленных камней» расположены в основном в Саяно-Алтайском пространстве: на петроглифах Тувы, Монголии, восточной части Горного Алтая. Факт не единичный и требующий исторических выводов. Нельзя не обратить внимания на то, что образы и сюжеты, характерные для скифской эпохи, появляются на памятниках наскального искусства там, где уже были изображения предшествующего времени [2]. Это свидетельствует, на наш взгляд, о том, что священные места воспринимались в новую эпоху как свои, понятные людям новой, сакской эпохи. Они не уничтожались. Видимо, мифо-

логическая основа, включающая представление о структуре мироздания, идеи реинкарнации, представления о божественных символах (золотом олене-солнце и баране-фарне), не была для них новой. Новыми стали их знаковость, символизм. Скифская эпоха породила в искусстве «читаемые» символы, штампы: поза животного, трактовка рогов и глаз, морды, положения ног и другое, например, солярные знаки, крылья на некоторых изображениях оленей.

Можно ожидать, что в XXI в. археологи больше внимания будут уделять изучению социальных структур, государственности и цивилизационным процессам в сакскую и послесакскую эпохи [3, 4, 5], процессам распространения новаций и культурогенеза в археологии. Новых материалов, фактов за последние годы накоплено много. Думается, что археологии не хватает новых методологических подходов к этим материалам. Полезно в связи с этим обратиться к примерам из истории археологии конца XIX–XX в., когда археологический материал становился основой реконструкции исторических процессов в обществах Древнего Востока. Фактически весь Древний Восток, включая большинство клинописных текстов, был открыт благодаря работам археологов: раскопки Шумера, Акада, Вавилона, археологических памятников в Египте, открытие цивилизации хеттов в Турции, Урарту, исследования в Сузах, Персеполе, наконец, открытие археологами памятников эпохи Шан-Инь в Китае и дравидской цивилизации в Индии. Все это – археология. Не будь археологических материалов, мы практически ничего не знали бы о Древнем Востоке. Примерно по такому же пути, накапливая археологические факты, надо реконструировать евразийскую скотоводческую степную цивилизацию: царские курганы Скифии, Бесшатыр, Шиликта, Иссык и Берель в Казахстане, Филипповка у савроматов, Аржан 1-2 в северной части Тувы, грандиозный Салбык в Хакасии, курганы с мерзлотой в Горном Алтае и массу других зафиксированных археологических фактов. К сожалению, они остаются зафиксированными как археологические комплексы, не получившие должной исторической оценки. Данные о погребённых, сопровождающих их символах, погребальных сооружениях и многое другое надо использовать не только как археологические факты, но и как источник (а других нет) изучения исторических процессов скифо-сибирского мира. Значительные материалы накоплены сейчас по хозяйственной деятельности: высокоразвитое строительное дело, сложившиеся различные типы продуктивного скотоводства и многое другое –

свидетельствуют о степной евразийской цивилизации, представленной раннегосударственными образованиями скифов, савроматов, саков и другими обществами Южной Сибири и Центральной Азии. Понять всё значение новых археологических материалов и данных по территории скифосакского мира, думаю, мешает нам некоторая методологическая однолинейность взглядов на процессы исторического развития. Мы по-прежнему рассматриваем археологические материалы исключительно в рамках археологических культур, а исторический процесс в основном с точки зрения формационного развития истории. Цивилизационное развитие если и рассматривается, то исключительно через развитие оседлого земледельческого хозяйства и выработанные этим направлением культурогенеза ценности. При этом не учитывается основное, что лежит в основе цивилизационного развития истории. Основой, как известно, является производящее хозяйство, и только оно. А на евразийском пространстве оно, начиная с палеометаллической эпохи, представлено двумя основными направлениями – оседлым земледелием с домашним скотоводством и подвижным скотоводством степного и горно-долинного пояса Евразии с подсобной ролью земледелия. Это совсем другой путь цивилизационного развития.

Причем каждое из этих двух направлений исторического развития занимало в Евразии свою макротерриторию, развивая свои особенности хозяйства, диктуемые законом рационального использования природной среды, вырабатывая свои духовные ценности, отразившиеся в погребальных комплексах и искусстве. Надо признать и понять, что это были два параллельно развивающихся цивилизационных процесса, с разным набором цивилизационных ценностей [6].

Особенно ярко эти цивилизационные различия выглядят на археологическом материале в контактных территориях между двумя основными цивилизационными макроразонами – в Причерноморье, на юге Казахстана и в предгорных территориях Средней Азии [7, 8, 9].

Новые открытия памятников раннего железного века в Казахстане, Монголии, Западном Китае и Алтае-Саянском регионе позволяют решить и другие вопросы истории степной Евразии I тыс. до н.э. Материалы ранних курганов (Аржан и др.), оленные камни IX–VII вв. и наскальные изображения с образами летящих стилизованных оленей с вытянутыми (утиными) мордами, комплексы «раннескифских» предметов вооружения, конской сбруи, украшений подтверждают вывод о том, что наиболее ранние центры формирования культуры

сакского мира сложились на востоке степной и горно-долинной Евразии, в Алтае-Саянском регионе и на территории Казахстана. Полученные новые материалы позволяют отметить ведущую роль в этом процессе саков [9, 10, 11]. Скифия и скифы были, вероятно, западной окраиной этого мира, испытавшие к тому же значительное влияние древнегреческой, фракийской и других культур.

При рассмотрении процессов сложения евразийского культурно-исторического единства в VII–III вв. до н.э. и распространения новаций на рубеже эпохи бронзы и раннего железного века необходимо обратить внимание на разные формы скотоводства, тесно связанные с конкретными природными особенностями степных и горно-долинных ландшафтов, развитие транспорта: колеса со спицами, втулкой и ободом, освоение конной верховой езды, сооружение общественно значимых грандиозных по трудозатратам курганов, возникновение информативно-знакового искусства, роль природных святынь с образами искусства и многое другое [11]. При этом важно понять историческую роль смены лидерства народов в истории - явление, которое может объяснить изменения в материальной и духовной культуре переходных периодов. В VIII–VII вв. до н.э., очевидно, повсеместно в степной Евразии произошла смена лидерства. Скифы на западе, саки и другие группы индо-иранцев на востоке создают этнополитические образования, в которых лидерство было за ними. Скорее всего, они были в то же время носителями более прогрессивных технологий в материальной культуре, новых идей в мировоззрении, общественных отношениях и распространяли свое лидерство на другие этнические группы населения. Они образуют новые структуры власти, новую систему господства-подчинения, новые этносоциальные структуры. Возникали новые символы лидерства и власти, новые погребальные обряды и церемонии, грандиозные погребальные сооружения и погребальная мифология, отражением которой является искусство погребальных склепов (погребальное искусство), представленное смысловыми изображениями на саркофагах, кошмовых коврах, головных уборах, украшениях конской сбруи в пазырыкских курганах, погребальных комплексах Берель, Аржан, Иссык и других.

Понимание системы лидерства этнических групп как инструмента объяснения глобальных исторических изменений очень важно при изучении исторических процессов в археологические периоды и последующие исторические эпохи. С этим явлением мы сталкиваемся постоянно. Ар-

хеологией прослежены изменения в культурах скифо-сакского мира со II в. до н.э.: нарушение хозяйственной, социальной стабильности, сбалансированности, которая была характерна для сакского мира. Наблюдается увеличение подвижности населения, происходят изменения в инвентаре археологических культур. Все это фиксируется в археологии степной Евразии и горных территорий Саян, Алтая, Тянь-Шаня. Это было время смены лидерства: культурно-историческое и политическое лидерство индо-иранцев сменяется лидерством хуннов, создавших первую империю кочевников в Центральной Азии.

Известно, что в новую эпоху создается и распространяется новое, более совершенное наступательное и оборонительное вооружение: длинный меч, трехлопастные железные наконечники стрел, усовершенствованный лук. В быту и военной практике первостепенной становится верховая езда, особая роль коня. Появляется жесткое седло, железные стремяна и многое другое, что характеризует новую историческую эпоху, выразившиеся в археологических материалах наиболее изученных – тесинской, таштыкской археологических – культур и в изменениях, которые зафиксированы в это время в археологических памятниках в Туве, Горном Алтае, на территориях современного Казахстана и Киргизии.

Новая эпоха привела к изменению бытовой культуры, распространению юрт и многоугольных столбовых жилищ, умению размещать все необходимое для жизни в рундуках, кожаных сумках. Особую роль в одежде и снаряжении приобретает, как известно, пояс. Постепенно меняются мировоззренческие и эпические представления, связанные с воином-героем, героическим конем. Все это нашло отражение в археологических материалах рубежа и первой половины I тыс. н.э. Однако надо иметь в виду, что при смене народа-лидера никогда не происходило полной замены этносов. Этого не было в эпоху скифо-сакского господства, очевидно, не было и в эпоху гуннского великодержавия. С полным основанием гуннскую эпоху можно назвать эпохой синкретизма, соединения всего положительного, что было достигнуто в предшествующее время, и новых начал. Об этом свидетельствуют одновременно существующие разные типы погребальных сооружений и обрядов захоронения, продолжавшие существовать предметы скифской эпохи, сохранившиеся традиции в наскальном искусстве. На памятниках наскального искусства во II в. до н.э. – первые века н.э., т.е. в гуннскую эпоху, сосуществуют, по крайней мере, две группы изображений, отражающих особенно-

сти исторического процесса в Центральной Азии и Южной Сибири. Продолжают наноситься на памятниках изображения, по стилю и художественным особенностям относящиеся к скифской эпохе. Однако эти изображения не имеют той «стандартности», символизма, характерных для изображений собственно скифской эпохи. Они небрежны, даже уродливы по исполнению. Эти изображения, очевидно, соответствуют по времени уменьшенным витивным изображениям бронзовых предметов в тесинских склепах. Эти изображения уже совсем другой исторической эпохи, и нет никакой необходимости весь тесинский комплекс считать принадлежавшим тагарской культуре скифо-сакской эпохи. Эти «скифские» изображения существуют наряду с рисунками коней в беге, оленей и других образов, выполненных в иной, гуннской традиции. Такой синкретизм в искусстве отражает реальную историческую ситуацию: наличие разных групп населения, представленного потомками предшествующей скифо-сакской эпохи и нового населения гуннской эпохи. Стилистические различия фиксируют особенности новой исторической эпохи, отразившиеся в наскальном искусстве. Произошла смена представлений о культурных ценностях. В этом процессе значительную роль в новую эпоху сыграли материальные и духовные достижения предшествовавшей скифо-сакской эпохи. Это, в свою очередь, связано с тем, что значительная часть населения сакской эпохи осталась на местах своего обитания, они были носителями генотипа скифо-сакской эпохи и оказали значительное влияние на формирование этнических групп населения новой гунно-сарматской эпохи.

Следующий период смены лидерства в степях произошел в середине I тыс. н.э., когда в недрах гуннской державы, по последним данным, формировались древние тюрки, которые в I тыс. н.э. мощно заявили о себе в процессе так называемой тюркизации обширных территорий Южной Сибири, Казахстана, на север по Лене, Среднему Ени-

сею, в лесостепных и лесных территориях по Томи, Иртышу, в Поволжье и Приуралье. Здесь явно прослеживается еще одна мощная смена народолидера, которым в Южной Сибири и на юге Восточной Европы в I тыс. н.э. становятся тюрки.

Мы коснулись только небольшой части проблемы соотношения археологических фактов и исторического процесса. С накоплением археологических фактов разного порядка эта проблема будет только нарастать в XXI в. Необходимо менять исследовательскую парадигму, так как бесконечное увеличение археологических культур в большинстве случаев не приводит к объяснению исторических процессов в их совокупности материального, духовно-мировоззренческого, этнического и социального компонентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Деревянко А.П.* Новые археологические открытия на Алтае и проблема формирования Homo Sapiens. Новосибирск, 2012.
2. *Мартынов А.И.* Наскальное искусство и исторические процессы // Наскальное искусство в современном обществе. Кемерово, 2011. Т. 1. С. 26–31.
3. *Альтернативные пути цивилизации.* М., 2000.
4. *Вопросы археологии Казахстана:* сб. науч. ст. в честь 75-летия Бекмуханбета Нурмуханбетова. Алматы, 2011.
5. *Крадин Н. Н.* Империя хунну. М., 2001.
6. *Мартынов А.И.* Археология в контексте истории (некоторые вопросы методологии археологии) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусства. № 18. 2012. С. 10–15.
7. *Казахстан и Евразия сквозь века.* История, археология, культурное наследие: сб. науч. тр., посвященный 70-летию со дня рождения академика Национальной академии наук РК Карла Малдахметовича Байпакова. Алматы, 2010.
8. *Кони, колесницы и колесничие степной Евразии.* Екатеринбург; Самара; Донецк, 2010.
9. *Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана* // Научные чтения памяти Н. Э. Магапова. Алматы, 2010.
10. *Самашев З., Чжан Со Хо, Боковенко Н., Мургабаев С.* Наскальное искусство Казахстана. Астана: Астанинский филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана, 2011.
11. *Скифо-сибирское культурно-историческое единство.* Кемерово, 1980.